

ФИЛОСОФИЯ: ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ

2020.04.001. ПУЩАЕВ Ю.В. К ВОПРОСУ О СОВЕТСКОМ КОНСЕРВАТИЗМЕ.

Аннотация. В статье ставится проблема советского консерватизма: каковы были охранительные силы и механизмы, присущие советскому строю? Поскольку любому обществу должны быть присущи свои консервативные тенденции, можно говорить об элементах консерватизма и в советском обществе, культуре и идеологии. Тем не менее размышления над этой проблемой сталкиваются, прежде всего, с трудностью эпистемологического характера: в каком смысле вообще можно говорить о советском консерватизме? Ведь советское время определила марксистская идеология, которая носила радикально революционный и прогрессистский характер, даже сам эпитет «консервативный» носил в советское время однозначно негативный характер. Тем не менее отмечается, что в позднесоветское время можно было быть советским консерватором, желать сохранения СССР и не являться при этом сторонником коммунизма и марксизма. В статье содержится тезис, что невозможно говорить о советском консерватизме как о какой-то единой сущности. В разные эпохи можно выделять разные виды советского консерватизма, которые вступали друг с другом в отношения борьбы и противоречий. Кроме того, разные виды советского консерватизма можно считать таковыми лишь условно, потому что все их пронизывали или служили фоном революционно-прогрессистские элементы господствующей идеологии. В статье намечена примерная общая типология советского консерватизма: культур-гуманистический советский консерватизм, проленинский советский консерватизм, сталинский советский консерватизм, просталинский советский консерватизм, ситуационный брежневский консерватизм, совет-

ский консерватизм советских авторов и мыслителей. В статье констатируется, что СССР во многом погубила, подвела к краху дефектность и недостаточность его условно консервативных, охранительных сил и начал. О советском консерватизме как о феномене можно говорить лишь с очень большой долей условности, как о различных неестественных противоречащих друг другу различных «консервативных» и квазиконсервативных идеологических течениях, которые не складываются в единое целое.

Ключевые слова: советская эпоха; консерватизм; советский консерватизм; сталинский консерватизм; брежневский консерватизм; шестидесятники; М.А. Лифшиц; Вс.А. Кочетов; А.Н. Яковлев.

В последние годы в научной литературе возникла тема советского консерватизма – тема достаточно неожиданная, но эвристичная и интересная. Обычно мы ассоциируем советскую эпоху с революционным сознанием и установками, чем-то, что противоречит консервативной идеологии и консервативным устремлениям. Но, с другой стороны, ведь и правда, у любого общества, просуществовавшего сколько-нибудь длительное время, должен быть свой консерватизм. То есть ему должны быть присущи свои, свойственные лишь ему консервативные силы, тенденции и механизмы, которые должны защищать и охранять. хранить то, что способно позволить этому обществу устойчиво существовать и эволюционно развиваться. В этом контексте оправданна постановка проблемы советского консерватизма, как минимум, в двух аспектах. Во-первых, был ли у советской эпохи и советского строя (режима) свой консерватизм, и каким он был? Во-вторых, этот вопрос имеет сегодня не только историческое, но и актуальное значение, поскольку сама его постановка проблематизирует размышления о том, что следует унаследовать от советского периода и относительно чего можно желать его творческого развития и в дальнейшей российской истории.

Однако проблема советского консерватизма – прежде всего, проблема эпистемологическая: в каком смысле о нем вообще можно говорить? Уже само это словосочетание может показаться «сапогами всмятку», чем-то вроде знаменитого «деревянного железа» Хайдеггера. Его составные части представляются инородными друг другу понятиями, чуть ли не антонимами. Ведь советская эпоха –

эпоха победившей радикальной революции, которая ставила своей целью строительство совершенно нового мира и разрушение мира старого как «мира насилия». Эпитет «консервативный» употреблялся в советское время преимущественно лишь в отрицательных смыслах и контекстах, как синоним «реакционного», противоположного всему прогрессивному и революционному. Советская эпоха в своих начинаниях и исходных замыслах, ее мыслителями и протагонистами характеризовалась как эпоха антиконсервативная, направленная по прямой в будущее, в бесконечный прогресс, в то время как консерватизм, напротив, обращается к прошлому как своей опоре, апеллирует к сохранению наличного состояния дел и допускает лишь постепенное улучшение настоящего.

Тем не менее неожиданная для многих проблема советского консерватизма – проблема эвристичная, которая требует мышления, имеющего вкус к сложным проблемам. Мешать при разборе этой темы могут штампы и предрассудки как антисоветские, так и просоветские. К последним относится, например, соблазн идеологического сглаживания радикальных разрывов русской истории, отрицание из благих намерений пропасти между дореволюционным и послереволюционным, советским периодами русской истории. Это тоже уводит от честной попытки понимания, которая, на мой взгляд, тем не менее начинается с какого-то даже «нутряного чувства», что советский период – это тоже русская история, которая отделена от предыдущего этапа разрывом, пропастью. Но и советский исторический период нужно понять и прожить в своем понимании как часть русской истории. Никто из нынешних радикальных антисоветских консерваторов (условно «белые») не является поручиком и князем Голицыным, который вдруг прямоком шагнул из 1917-го в наше время. До сих пор у всех у нас в той или иной степени советский бэкграунд: у тех, кто постарше – годы жизни в сознательном уже возрасте в СССР (а значит, во многом советское воспитание и образование); у тех, кто помладше – как минимум, советское происхождение и биографии их родителей, дедушек и бабушек.

Предварительно зафиксируем важный тезис: *исторически вполне можно было быть умеренным советским консерватором, не будучи коммунистом и даже совершенно не разделяя марксистско-ленинской идеологии.* Таковую позицию из прагматических сооб-

ражений можно было занимать, например, в Советском Союзе в конце 1980-х годов, просто не желая резкого слома социального порядка. Она выражена в известной статье «Похищение сабинянок» Льва Сигала, опубликованной в журнале «Век XX и мир» в апреле 1991 г., всего за полгода до распада СССР. В ней было предсказано очень многое и, в частности, дан довольно точный диагноз состояния умов советской интеллигенции крупных городов на тот момент: «В среде российской интеллигенции (и шире – проживающих в крупных городах “белых воротничков”) скопился разрушительный заряд большой мощности, энергия этого сословия приобрела антигосударственную и, по существу, антиобщественную направленность» [6].

И правда, чтобы быть тем, кого можно назвать умеренным советским консерватором на излете СССР, уже не надо было разделять коммунистические догмы и считать Ленина и Сталина не только непревзойденными гениями, но даже (вот парадокс) положительными героями русской истории. Нужно было лишь оппонировать радикальным критикам режима с целью защиты «порядка», сложившегося уклада жизни от угрозы его тотального обрушения и грозящей социально-культурной и экономической деградации. Другое дело, что ментальность советского человека, воспитанного на культе революции и революционных ценностей, блокировала возможность сформироваться подобному умеренному консерватизму как значимой идеологической и социально-политической силе, что, впрочем, отмечал в этой статье и сам автор: «Официальная пропаганда десятилетия героизировала “великих бунтарей”, начиная со Спартака, сторонников же охранительного направления изображала “махровыми реакционерами”. Сам культ Февраля и Октября – великий соблазн для охотников “перевернуть Россию обратно”. Неудивительно, что пропагандистский официоз пожинает собственные плоды». Советский режим, настраивавший на постоянную революционность как непреходящую ценность, выступил в каком-то смысле своим собственным могильщиком.

Приведем большую цитату из данной статьи, емко передающую основной смысл статьи и поясняющую, что значит быть советским консерватором, не придерживаясь в то же время марксистско-ленинских взглядов:

«Согласно античной традиции, римский народ первоначально состоял только из мужчин. Сподвижники Ромула пошли на хитрость: они пригласили на празднества соседнее племя сабинян и в разгар его напали на гостей, похитив девушек-сабинянок. Сабиняне воевали с Римом, однако не смогли восстановить справедливость. Прошло изрядное время, прежде чем им удалось собрать силы для нанесения обидчикам серьезного удара. Бой шел уже между римских холмов, когда к сражавшимся выбежали похищенные некогда женщины.

Как пишет Плутарх, они обратились к своим соплеменникам с такими словами: «Чем оскорбили мы вас, чем провинились перед вами, что нам, вытерпевшим уже лютое горе, приходится терпеть его вновь? Нас похитили насильно, противозаконно те, кому мы принадлежим в настоящее время. Но, когда нас похитили, наши братья, отцы и близкие так долго не вспоминали о нас, что мы принуждены были соединиться самыми тесными узами с предметом нашей жесточайшей ненависти и теперь должны бояться за тех, кто увел нас, поправ законы, – когда они сражаются, и плакать по ним, когда они умирают! Вы не явились мстителями нашим оскорбителям за нас, девушек, теперь же лишаете жен – мужей, детей – их матерей. Помощь, которую вы оказываете теперь нам, несчастным, хуже вашего прежнего равнодушия к нашей судьбе и предательства».

И тогда был заключен мирный договор, на основании которого сподвижники Ромула и сабиняне слились в единый римский народ.

...Обсуждая легитимность нынешнего советского режима, уместно вспомнить прецедент сабинянок. Похищение девушек было грубым попранием законности, но от их брака с похитителями возникли семьи, родились дети, а потому запоздалое отмщение было для них не благом, а злом.

Нет сомнения в том, что большевики захватили власть незаконными средствами, но за прошедшие десятилетия корни пущены в почву так глубоко, что перепаживать ее – значит, вновь раскрутить Красное Колесо (курсив мой. – Ю.П.).

Нынешний режим легко критиковать с тех же позиций, с которых революционеры всех времен и народов обличают исторически легитимные режимы, но обличать его в 1991 г. как "большевистский и узурпаторский" – теперь уже глупо» [6].

Это было опубликовано в апреле 1991 г., в понимании того, что подавляющее большинство тогдашнего советского народа – дети и внуки, потомки похищенных сабинянок. Поэтому крайне опрометчиво радикально отказываться от советского периода и опять начинать «строить новую жизнь». Однако подобные охранительские соображения в тогдашней интеллигентской среде у «мыслящего большинства» были непопулярны.

СССР не хватило охранительных начал. Они оказались слишком слабы, чтобы остановить распад и крах советского государства. Но что обусловило слабость и дефектность советских охранительных начал?

Представляется, что слабость и малая жизнеспособность того, что мы в данном контексте назвали бы идеологическими охранительными началами, в советское время во многом обусловлена тем, что теперь предстает перед нами как трудность своего рода эпистемологического характера: а что, собственно, понимать под советским консерватизмом? Что именно им считать?

Ведь поставив эту проблему уже из сегодняшнего дня, мы вынуждены называть и считать консерваторами тех, кто себя так не называл, для кого само это слово несло отрицательный смысл и кого, как правило, тоже никто так не называл. Но проблема, разумеется, не просто в отсутствии этого названия или самоназывания. Это в свою очередь следствие того, что то, что мы будем подводить под разные виды советского консерватизма, были очень сложными феноменами общественной мысли, идеологической культуры и политики. Принимая на себя охранительские или отчасти охранительские функции в рамках в целом радикальной революционно-прогрессистской идеологии и соответствующей ей политической системы, они сами были в разной степени пронизаны революционно-прогрессистским содержанием.

Нам легко могут поставить в упрек, что мы приписываем советской идеологии и ее интеллектуальной истории, ее деятелям то, к чему они сами не стремились сознательно и с чем они бы не согласились категорически, что мы поэтому тут запутались и блуждаем. Но я тут сошлюсь на то, что само советское – крайне запутанный феномен. И чтобы сего распутать, нужно, возможно, для начала в каком-то смысле «вывихнуться» самому. Советское общество и государство были весьма необычными историческими обра-

зованиями, и соответствующие им виды или типы охранительства тоже могут оказаться нарушающими привычный вид и классификацию мутантами.

Тема и проблема советского консерватизма уже ставилась в научно-исследовательской литературе и публицистике. Петербургский историк русского консерватизма В.М. Камнев написал по этой проблеме несколько статей. В центре первой статьи «Советский консерватизм как историософская проблема» [2] находится тема «марксистского консерватизма» Михаила Лифшица. Во второй статье, под названием «Феномен советского консерватизма: историософское обоснование» [3], написанной в соавторстве, с опорой на концепт *Restavratio magna* того же Лифшица, делается более обширная попытка проследить в целом историю и существование того, что можно назвать советским консерватизмом, указать на его разные вариации в советской истории. При чтении этой второй статьи, впрочем, невозможно не заметить, что автор некоторые значимые мысли и положения заимствует из статьи Я. Бутакова «Советский консерватизм: шансы на будущее», ранее опубликованной на интернет-ресурсе еще в 2005 году [1]. Поэтому пионером темы советского консерватизма, насколько нам сейчас известно, можно скорее считать Я. Бутакова.

При всей эвристичности указанных работ и новизны поставленной проблемы, нельзя не заметить, что в них почти не проанализировано исходное понятие или концепт. Под одну и ту же рубрику советского консерватизма без каких-либо дальнейших понятийных различений попадают разные феномены из разных периодов советской истории, которые играли различную роль в советской политике и идеологии, и которые, как мы вкратце покажем ниже, нередко находились в непримиримых и противоречивых между собой отношениях.

Тут, прежде всего, нужна **понятийная ясность**. Когда начинаешь вдумываться в эту тему, то приходишь к выводу, что на самом деле существовали (и существуют сейчас) разные виды советского консерватизма, и их нельзя подвести под одну непротиворечивую внутренне рубрику и тем самым вычленишь, определить советский консерватизм как единую, более или менее монолитную сущность. Соответственно, рассказ о советском консерватизме нельзя вести как своего рода нанизывание на одну единую нить разных явлений.

Разные виды советского консерватизма слишком плохо сочетаются друг с другом, чтобы можно было сделать вывод о каком-то едином советском консерватизме.

Поэтому необходимо провести анализ разных исторических и идеологических явлений, попадающих под рубрику советского консерватизма, выделить его типы и виды. Так разговор о советском консерватизме может стать более отчетливым, приобрести хотя бы некоторую исходную понятийную ясность.

Примерная общая типология советского консерватизма

Укажем сначала на самое общее и элементарное деление в семействе советских консерватизмов: *советский* советский консерватизм и *постсоветский* советский консерватизм.

Советский советский консерватизм – консерватизм, который существовал в советское время, внутри советской эпохи и советского строя, внутри советской идеологии и общественной мысли. У него в свою очередь есть разные виды, в том числе такие, которые, как я уже сказал, плохо сочетаются друг с другом. В целом Советский Союз, повторимся, рухнул, на наш взгляд, в значительной степени от слабости и внутренней противоречивости того, что мы сейчас называем советскими охранительными началами.

Постсоветский советский консерватизм – это советский консерватизм, существующий уже в наше время. Это тоже достаточно парадоксальная сущность, потому что возникает уже *post factum*, уже когда самого советского общества больше не существует. Тем не менее он тоже может носить разный характер: от радикального желания стопроцентной реставрации советского строя при Сталине, до умеренного советского консерватизма, который говорит о желательности удержания в дальнейшей российской истории тех или иных явлений и сторон, достижений советской эпохи, желании вписать советский период как неотъемлемую часть русской истории.

В данной статье мы далее вкратце, в качестве скорее даже неких пролегомен, наметим общую типологию *советского* советского консерватизма, отдавая себе отчет в том, что, во-первых, эта типология, вполне возможно, неполна. И, во-вторых, каждый из выделенных типов достоин стать темой отдельного обширного исследования или ряда исследований.

Типология советского консерватизма

1. *Философский, культур-гуманистический советский консерватизм*

Здесь имеется в виду, прежде всего, парадоксальная идея советского философа-марксиста и эстетика М.А. Лифшица о *революции как силе хранительной*. Михаил Лифшиц в 30-е годы выдвигает концепцию великих консерваторов человечества, среди которых он называет Аристофана, Платона, Аристотеля, Шекспира, Бальзака, Гегеля и т.д.

Эта его мысль имеет, как минимум, двойственное содержание. С одной стороны, в противовес социологическому вульгаризаторству в тогдашнем советском литературоведении Лифшиц стремится удержать и подчеркнуть непреходящую важность для коммунистической России и марксистского мировоззрения классического искусства и классических форм культуры, руководится стремлением отстоять их в борьбе с вульгаризаторскими, пролеткультовскими тенденциями, которые подавали великих творцов прошлого преимущественно лишь как выразителей соответствующих классовых интересов.

С другой стороны, Лифшицем руководит стремление показать неотрывность классических форм человечности, выработанных великим искусством прошлого, от теории и практики коммунизма как идеологии в целом. В принципе, это еще один поворот той темы, что марксизм претендовал быть законным преемником и наследником высших культурных достижений, на чем настаивал и Ленин. Лифшиц на самом деле был в глубине своего мировоззрения во многом романтиком революции и революционного гуманизма и верил, что радикальная коммунистическая революция, даже проходящая или временно впадшая в сталинский бонапартизм, способствует раскрытию *объективной* истины бытия, объективно существующего Абсолюта. В этом смысле классические идеалы прошлого были для Лифшица предшественниками коммунистического общественного идеала.

В то же время Лифшица по большому счету, конечно, нельзя считать консерватором в собственном смысле этого понятия, как мы привычно его употребляем. Его стремление подобным образом утвердить в коммунизме консервативное содержание носит всё же

во многом декларативный характер, похоже на заявку кандидата в наследники, наследственные права которого вызывают сильные возражения. Поскольку Лифшиц оставался убежденным марксистом и романтиком революции, нельзя согласиться с В.М. Камневым, что «целостное осознание этого процесса восстановления (имеется в виду консервативная линия сталинского режима, проявившаяся во второй половине 1930-х – первой половине 1940-х годов – Ю.П.) формировалось в 1930-е годы только у Мих. Лифшица и в кругу его единомышленников». Специфика марксистско-ленинской ортодоксальности Лифшица состоит в том, что он в значительной степени как раз не принял сталинский условно консервативный поворот второй половины 1930-х. Он был сторонником ленинской политики нэпа, союза советской власти с иностранным капиталом и «диалектического применения лучшего в буржуазном праве и товарном хозяйстве». Для него были принципиально неприемлемы «тиски иерархии и социального неравенства», «азиатско-царистские формы автаркии», «феодално-чиновничьи пережитки» при «демократии и социализме». В целом нельзя забывать, что Лифшиц крайне критично относился к тому, что социализм не миновал стадии «сталинского бонапартизма» и «культ личности», который характеризуется в частности сохранением черт контрреволюции в революции: старорежимный чиновничий аппарат, «методы царизма, утеснения» [5].

Мы тут сталкиваемся с той кардинальной проблемой, что разные виды советского консерватизма нельзя подвести под единую рубрику. Условный консерватизм Михаила Лифшица – лишь один из видов *советского* советского консерватизма, вступающий в противоречия и конфликтные отношения с другими его видами.

2. Проленинский советский консерватизм

В то же время условно выделяемые нами разные виды или типы советского консерватизма могут быть одновременно представлены, переплетены у одного и того же исторического деятеля или идейного течения, причем они могут при этом находиться как в противоречащих друг другу, так и в родственных отношениях. В этом смысле можно говорить, что культургуманистический консерватизм Лифшица был тесно переплетен с тем, что мы назвали

проленинским советским консерватизмом, который был характерен для более широкого слоя деятелей советской культуры и который потом стал мутировать в иные идеологические конструкции.

Признаком консервативного мировоззрения может считаться и тяга к истокам, к исходным традициям и прошлому, задавшему некий канон. В этом смысле под проленинским советским консерватизмом можно понимать широко распространившееся после XX съезда КПСС стремление к возвращению к очищенным от сталинских искажений социализма «ленинским нормам» в самых разных сферах, от политики до искусства, которые представлялись для его сторонников как некий безусловный канон и подлинное основание советского государства и общества.

Оттепель тоже была своего рода обращением к истокам – истокам возникновения советского государства, когда у его руководства стоял Ленин. Для движения шестидесятников в собственно 1960-е были характерны апелляция к остаткам внутрипартийной демократии большевиков в первой половине 20-х годов; противопоставление Сталину Ленина; критика того, что они называли отчуждением разных форм общественной жизни; романтическое увлечение эстетикой Гражданской войны и искренняя захваченность строительством «нового мира» (на эстетическом уровне проленинскому советскому консерватизму идеально соответствовала, например, песня Окуджавы про «комиссаров в пыльных шлемах»).

Но это тоже было крайне противоречивое явление. Недаром к нему в 1960-е принадлежали как те, кто так и остался ортодоксально верен Ленину в лице Ильенкова, Лифшица и их учеников (которых со временем становилось все меньше и меньше), так и те советские интеллигенты и деятели культуры, которые со временем перешли на позиции либерализма и отреклись от марксизма и коммунизма.

Конечно, и это идеологическое течение тоже только очень условно можно считать консервативным, ведь одновременно оно, как и ленинизм в целом, было направлено на постоянное революционизирование. Это идейное движение апеллировало к революционной традиции, первым революционным годам Советской власти, что практически автоматически подразумевало не стабилизацию и удовлетворенность наличным состоянием дел, а напротив, дальнейшее продолжение революции. Это повлекло за собой сначала

расшатывание, а в конечном счете и разрушение установленного социального и культурного порядка, что и выразилось в перестройку, одним из лозунгов которой был «есть у революции начало, нет у революции конца». В данном случае за исходный образец было взято принципиально неустойчивое, переходное время социального переустройства, самое начало советского государства, когда оно во многом было еще *in statu nascendi*. Это первые годы советской эпохи, только позже общество и государство отливаются в устойчивые сталинские формы.

Именно из проленинского советского консерватизма вызрели шестидесятничество и программа перестройки, которая в итоге переросла в либеральную революцию, похоронившую СССР. Пример с проленинским консерватизмом важен, чтобы показать, насколько причудливо в случае с феноменом советского трансформируется и выглядит привычная понятийная идеологическая сетка. То, что в «нормальных условиях» выглядит как признак безусловного консерватизма (апелляция к истокам и первым вождям, к начальным традициям), в данном случае одновременно оказывается практически своей противоположностью. Уже в 70-е годы в кругах интеллигенции становится все меньше и меньше веры в Ленина в Октябрьскую революцию, а апелляция к ним становится способом прикрытия по большей части либеральных целей и установок. Эту маскировочную программу достаточно откровенно выразил «архитектор перестройки» и главный ее идеолог А.Н. Яковлев: «После XX съезда в сверхузком кругу своих ближайших друзей и единомышленников мы часто обсуждали проблемы демократизации страны и общества. Избрали простой, как кувалда, метод пропаганды “идей” позднего Ленина. Надо было ясно, четко и внятно вычленить феномен большевизма, отделив его от марксизма прошлого века. А потому без устали говорили о «гениальности» позднего Ленина, о необходимости возврата к ленинскому «плану строительства социализма» через кооперацию, через государственный капитализм и т.д.

Группа истинных, а не мнимых реформаторов разработала (разумеется, устно) следующий план: авторитетом Ленина ударить по Сталину, по сталинизму. А затем, в случае успеха, Плехановым и социал-демократией бить по Ленину, либерализмом и «нравственным социализмом» – по революционаризму вообще. <...>

Советский тоталитарный режим можно было разрушить только через гласность и тоталитарную дисциплину партии, прикрываясь при этом интересами совершенствования социализма. <...> Оглядываясь назад, могу с гордостью сказать, что хитроумная, но весьма простая тактика – механизмы тоталитаризма против системы тоталитаризма – сработала. <...> Например, мои работы и выступления 1987–1988 гг., частично и 1989 г. были густо напичканы цитатами из Маркса и особенно из Ленина. Благо, что у Ленина можно найти сколько угодно взаимоисключающих высказываний и практически по любому принципиальному вопросу» [10].

В 2003 г. Яковлев в интервью «Независимой газете» также говорил, что еще в 1985 г. предложил Горбачёву план изменений в стране, однако Горбачёв ответил, что «пока рано». По мнению Яковлева, Горбачёв тогда еще не думал, что «с советским строем пора кончать». Надо полагать, что Яковлев тогда уже думал? «Для пользы дела приходилось и отступать, и лукавить. Я сам грешен – лукавил не раз. Говорил про “обновление социализма”, а сам знал, к чему дело идет» [11].

Искренние же и убежденные коммунисты, которые до конца оставались верны Ленину и Марксу, такие, например, как философы Э.В. Ильенков и М.А. Лифшиц, очень скоро почувствовали себя в одиночестве, марксистскими ископаемыми на фоне становившейся всё более либеральной научной и культурной среды. Хотя сначала искренними поклонниками Ильенкова, членами его своего рода неформального кружка были многие будущие лидеры либерального шестидесятиничества. Однако в ходе своей идейной эволюции многие вышедшие «из квартиры Ильенкова» философы-шестидесятники становятся осторожными эзоповыми глашатаями иных, несоветских ценностей.

Таким образом, и этот вид советского консерватизма считать таковым можно лишь очень и очень условно. В нем было много совсем иных составляющих, которые вступали друг с другом в причудливое взаимодействие. Например, в нем была сильная реформаторская, *квазипротестантская составляющая*. Недаром Э.Ю. Соловьев в своей статье «Философия как критика идеологий. Часть II» определяет дело шестидесятников в философии, обратившихся к «настоящему Марксу», как попытку философской реформации марксизма. «Над их начинанием смело можно было бы

поставить ренессансно-реформаторский девиз: “Ad fontes!” (“Назад к источникам!”). Это безоговорочно справедливо в отношении Эвальда Ильенкова – ключевой фигуры тогдашнего идейного брожения. С решительностью и энергией, отличавшей экзегетиков-евангелистов XVI в., Ильенков обратился к первомарксизму. За пару лет до XX съезда партии, заявившего о восстановлении ленинских норм жизни, он призвал вернуться к Марксовым нормам мышления» [7].

3. Сталинский советский консерватизм в 1930-е годы – это некий поворот, частичный и очень ограниченный, к русским дореволюционным традициям с целью укрепления общества в сфере семейной политики, образования, обороны и внешней политики. Происходит, например, возвращение к традициям русской воинской славы и легализация Русской Православной Церкви в годы войны, еще большее усиление бюрократически-номенклатурного начала в обществе. Конечно, такой поворот во многом был противоположен самому началу революционных 20-х годов Советской власти и находился в непростых отношениях с двумя прежде обозначенными нами подвидами советского консерватизма как разновидностями проленинской утопии.

С точки зрения радикального революционного сознания, выразителем которого был в частности Л. Троцкий, сталинский частичный консервативный поворот был отступлением от идеалов революции. Казалось бы, можно утверждать, что в этом сталинском повороте проглядывает нечто общее, какие-то общие черты России царской и советской. Однако эти консервативные или квазиконсервативные тенденции 1930–1940-х годов были всё-таки слишком слабы, имели подчиненный характер и применялись скорее в тактических целях, ради сохранения советского общества как общества в сути своей революционного и коммунистического. Однако следует все же отметить, что в сталинском частично-консервативном повороте были и заметные элементы смягчения прежней радикальной революционной политики (например, отношение к Церкви).

4. Просталинский консерватизм

Как реакция на «оттепель», XX съезд КПСС и борьбу с культом личности, частичную либерализацию при Хрущёве возникает

то, что можно назвать просталинским советским консерватизмом. Если характеризовать его в главных общих чертах, то он состоял в защите фигуры Сталина и безусловно положительной оценке его политики, требовал укрепления порядка и возвращения к сталинской репрессивной политике, «завинчивания гаек», не принимал либеральных послаблений в сфере искусства и культуры, говорил о необходимости сделать железный занавес таким же прочным, как прежде, и т.д. Ему грезилась новая Стальная рука как испытанный способ справиться с тем, что не вписывалось в «социалистический образ жизни»: коррупция, фарцовка, новые веяния в искусстве, требования полной свободы творчества, преклонение перед Западом, и т.д. В атмосфере «брежневского застоя» эти явления получали все большее распространение, что рождало обратное стремление – вернуться к сталинской политике.

У этого вида советского консерватизма с точки зрения сохранения режима, безусловно, были своя логика и своя правда. Советский строй в сталинский период характеризуется наибольшей прочностью и устойчивостью. Именно при Сталине были заложены основы устойчивого существования СССР и была одержана, как говорили, победа социализма в одной стране. Была построена новая мощная промышленность и проведена коллективизация, созданы советская наука и искусство, культура в целом. Сталин 30 лет возглавлял советское государство и международное коммунистическое движение. Просталинские консерваторы понимали, что нападки на Сталина и низвержение его с пьедестала было рано или поздно чревато нападением на самые основы советского социализма, фактическим зачеркиванием этих основ. Так что защитники Сталина были правы в своих опасениях, что свободная и легальная, разрешенная властями критика «вождя народов» через ряд промежуточных ступеней легко может перейти в уничтожающую критику коммунизма и коммунистической идеологии, Ленина и Октябрьской революции, как, собственно, и произошло в годы перестройки. Критика сталинского периода советской истории в рамках советской системы всё-таки оказалась уничтожающей критикой самой этой системы, прологом ее исторической самоаннигиляции.

Ярким образцом просталинского консерватизма того времени является роман видного советского писателя Вс. Кочетова «Чего же ты хочешь?». Кочетов был главным редактором журнала «Ок-

тябрь», который в тогдашнем литературно-публицистическом мире являлся оплотом ортодоксально-консервативных сил, противостоящих либеральному «Новому миру» А. Твардовского. Вышедший в 1969 г. в «Октябре» этот роман Кочетова был чрезмерно радикален для брежневской системы, и его решились издать только один раз – в Минске в 1970 г., а после он вообще ни разу не переиздавался ни в СССР, ни в постсоветской России. Он даже не вошел ни в одно собрание сочинений этого писателя.

Написанный с литературной точки весьма посредственно, роман является всё же весьма любопытным произведением. Во многом это идеологический манифест, изложенный в художественной манере соцреализма. Его главную сюжетную линию составляет история приезда в СССР и путешествия по советским городам группы западных якобы специалистов по истории русского искусства, которые на самом деле являются агентами секретных служб, но должны заниматься не собственно шпионажем, а идеологическим разложением советского общества. Вот что говорит один из героев романа, куратор группы, о цели этой поездки в СССР:

«...покончить с коммунизмом мы обязаны. Мы обязаны его уничтожить. Иначе уничтожит нас он. Вы, немцы, чего только ни делали, чтобы победить Россию, Клауберг. И массовое истребление людей, и тактика выжженной земли, и беспощадный террор, и танки “тигр”, и орудия “фердинанд”. И всё же не русские, а вы были разбиты. А почему? Да потому, что предварительно не расшатали советскую систему. Вы не придали этому никакого значения. Вы ударились о монолит, о прочные каменные стены. Может быть, вы надеялись на стихийное восстание кулаков, как русские называли своих богатых крестьян? Но кулаков коммунисты успели раскулачить, и вам достались одни обломки – на должности сельских старост, полицаев и иных подсобных сил. Вы надеялись на старую интеллигенцию? Она уже не имела никакого влияния. Она растворилась в новой рабоче-крестьянской интеллигенции, да и сама давно переменяла свои взгляды, поскольку коммунисты создали ей все условия для жизни и работы. Вы надеялись на политических противников большевизма – троцкистов, меньшевиков и прочих? Большевики своевременно их разгромили, рассеяли. <...> Неверный метод. Лучшие умы Запада работают сегодня над проблемами

предварительного демонтажа коммунизма, и в первую очередь современного советского общества.

Говорящий налил себе содовой воды в стакан, отпил несколько глотков, вытер губы платком.

– Так вот, – продолжал он. – Работа идет со всех направлений и по всем направлениям. Они, коммунисты, были всегда необычайно сильны идеологически, брали над нами верх незыблемостью своих убеждений чувством правоты буквально во всем. Их сплочению способствовало сознание того, что они находятся в капиталистическом окружении. Это их мобилизовывало, держало в напряжении, в готовности ко всему. Тут уж ни к чему не прицепишься, никак не подберешься. Сейчас кое-что обнадеживает. Мы исключительно умело использовали развенчание Сталина. Вместе с ниспровержением Сталина нам удалось... Но это потребовало, господа, работы сотен радиостанций, тысяч печатных изданий, тысяч и тысяч пропагандистов, миллионов и миллионов, сотен миллионов долларов. Да, так вместе с падением Сталина, продолжаю, нам удалось в некоторых умах поколебать и веру в то дело, которое делалось тридцать лет под руководством этого человека. Один великий мудрец нашего времени – прошу прощения за то, что не назову вам его имени, – сказал однажды: “Развенчанный Сталин – это точка опоры для того, чтобы мы смогли перевернуть коммунистический мир”. Русские, конечно, тоже всё поняли. В последние несколько лет они возобновили свое коммунистическое наступление. И это опасно. Им нельзя позволить вновь завоевывать умы. Наше дело сегодня – усиливать и усиливать натиск, пользоваться тем, что “железный занавес” рухнул, и повсюду, как называется, наводятся мосты. Что мы делаем для этого? Мы стремимся накачивать их кинорынок нашей продукцией, мы шлем им наших певичек и плясунчиков, мы... Словом, их строгая коммунистическая эстетика размывается. И ваша “операция”, герр Клауберг, – сказал он на чистейшем немецком языке, – послужит одним из мостиков, одним из троянских жеребеночков, которых мы постоянно преподносим партийным москвитам!» [4].

Кочетов в своем романе показывает обширную панораму отрицательных явлений, как он их понимает с позиций своего сталинского консерватизма, которые уже изнутри начинают подтачивать советское общество: «кокетничающие» с религией поэты и

художники (в одном из них, художнике Антонине Свешникове, в качестве прототипа угадывается Илья Глазунов), фарцовщики и молодые любители рок-музыки, и т.д. На эти внутренние явления и делают ставку внешние враги, именно с их помощью и через них они надеются идеологически разложить советское общество, потому что только так, считают они в романе Кочетова, можно победить СССР. Ввиду такой явной двойной угрозы автор и говорит устами своего главного героя и alter ego писателя Василия Булатова, о необходимости нового «завинчивания гаек». Поэтому особое раздражение оппонентов Кочетова вызывала едва прикрытая апология репрессий и 1937 года. Вот что писал в своем дневнике по поводу «Чего же ты хочешь?» А. Твардовский: «Дементьев вычитывал мне некоторые места из новой штуки Кочетова. Устами положительного отца разъясняется положительному сыну, что едва ли не первым условием нашей победы была ликвидация пятой колонны, т.е. 1937 и 1939-й годы. В чьих-то еще устах сетования о голубе, заменив<шем> серп и молот. Намеки, “личности”, подсказки, наускивания».

И вместе с тем, едва прикрытое («Я не тебя имею в виду, ты понимаешь меня») неприятие нынешнего руководства (или части его), которое, мол, «ни либералы, ни консерваторы».

Отчетливый призыв к смелым и решительным действиям по выявлению и искоренению «отдельных», т.е. людей из интеллигенции, которые смеют чего-то там размышлять, мечтать о демократии и пр.

Очень сходное всё с тем, что говорил Щербина («наш КГБ – богадельня», «поставить 1 миллион к стенке – и все будет ясно и спокойно»).

Это уже никакая не литература, даже не плохая, – это общедоступная примитивно-беллетристическая форма пропаганды подлейших настроений и «идей» с ведома и одобрения.

Дементьев говорит, что уже в киосках не достать № 9 «Октября»; давал мне чистый (без подчеркиков Лакшина и др.). Лакшин, говорит Д[ементьев], считает, что если это не будет обрублено в печати, то через два (?) года нам быть на виселице» [8].

5. Ситуационный брежневский консерватизм. Откровенно просталинских взглядов, выразителем которых в своем романе выступил Вс. Кочетов, придерживалась лишь относительно неболь-

шая часть как советской интеллигенции, так и советских идеологических работников и высшего партийно-советского руководства. Как выход из их противостояния с шестидесятниками и сторонниками дальнейших реформ побеждает «средняя линия». Возникло то, что можно назвать советским ситуационным брежневским консерватизмом.

Эпоха правления Брежнева (1964–1982) получила не совсем справедливое наименование застоя. С одной стороны, это, пожалуй, наиболее стабильная эпоха в советской истории, когда и правда было достигнуто относительное экономическое и культурное благополучие для подавляющего большинства населения. С точки зрения влияния и возможностей это тоже был зенит могущества СССР как во внутренней, так и во внешней политике. Устойчиво развивалась и экономика. Однако вследствие выбора условно средней линии идеология «развитого социализма» привела к утрате перспективы в развитии общества. Во главе Советского Союза стали те, кого в романе Кочетова называли «ни либералы, ни консерваторы». Целью политики стало удержание статус-кво. Нежелание и невозможность сделать новый мобилизационный рывок, угасание советской пассионарности сделали ясным осознание утопичности коммунизма.

Возвращение «назад к Сталину» тоже было невозможно. Большинство высшей номенклатуры устало жить под дамокловым мечом как сталинских чисток, так и хрущёвского волюнтаризма в его постоянных реорганизациях. Советские руководители в своем большинстве захотели стабильности и прочности в своем положении. Выбранная политическая линия избегала любых крайностей: как просталинских, так и антисталинских. Сталина перестали разоблачать, но и снова восхвалять тоже не решились. Он стал во многом фигурой умолчания. Скупое говорилось о нем как о верховном главнокомандующем, об индустриализации и коллективизации, и очень скомканно о репрессиях и нарушениях социалистической законности. Угасание советской пассионарности и требование непрерывного роста удовлетворения материальных потребностей вело к постепенному обуржуазиванию СССР с психологической точки зрения, делало невозможным прежний аскетизм самых первых советских десятилетий.

Наименование «застой» эта эпоха получила в первые годы перестройки, пока общественное сознание еще оставалось советским. Советский менталитет был нацелен на непрерывное прогрессивное развитие, и стабильность, даже относительно сытую и благополучную, воспринимал как нечто недолжное с идейной точки зрения. Между тем, можно предположить, что тогдашних «старцев из Политбюро» обуревали предчувствия, сходные с теми же, которые в свое время руководили охранительской политикой Победоносцева. Что любое отчетливое движение как вперед, так и назад чревато обрушением всей общественной системы, и поэтому они предпочитали держаться статус-кво «развитого социализма».

6. Несоветский советский консерватизм. Совершенно отдельную разновидность *советского* советского консерватизма составляет **несоветский советский консерватизм**. К нему принадлежат мыслители и публицисты, которые жили в советское время и которые, не являясь марксистами и коммунистами, и даже противостоя им с мировоззренческой точки зрения, тем не менее выступали в поддержку Советской власти.

Это достаточно широкий спектр взглядов и направлений, начиная от сменевеховцев и евразийцев и заканчивая такими авторами, как, например, Г.М. Шиманов и В.В. Шульгин со своей книгой «Опыт Ленина» [9]. Поэтому правильнее было бы говорить, что это направление само в свою очередь разбивается на различные подвиды, потому что несоветские, но просоветские авторы высказывались в пользу сохранения Советской власти по разным основаниям. Желание продолжить и одобрить советский опыт, «опыт Ленина», могло возникать по соображениям державно-государственным (СССР как наследник Российской империи, восстановивший и даже преумноживший ее мощь), или в надежде на трансформацию советского социализма в новое издание православной государственности.

В данной статье нет никакой возможности хоть скольнибудь развернуто говорить об этом виде несоветско-советского консерватизма в силу его обширности и сложности. Он и его подвиды достойны стать предметом отдельных исследований. Нам здесь важно лишь указать на само его существование, что подчеркивает, что само по себе понятие «советский консерватизм» слишком абстрактно и пусто без его дальнейшей конкретизации и диф-

ференциации. Как мы видим, разные виды *советского* советского консерватизма находятся в разной степени напряженных, вплоть до непримиримости отношениях друг с другом: второй и третий, третий и пятый, четвертый и пятый, второй и четвертый, и т.д.

При этом большинство выделенных нами видов *советского* советского консерватизма всё равно пронизывают (пусть и в разной степени) такие антиконсервативные черты, в целом присущие советскому проекту и советской идеологии, как воинствующий атеизм, вера в исторический прогресс, культ человеческого разума и науки, антропологический оптимизм, преимущественно негативная оценка дореволюционного прошлого России, претензия на социальное экспериментаторство в глобальных масштабах, и т.д. Они как вступают в противоречие с выделенными нами консервативными тенденциями, так и задают некий *основной* фон и рамку, основание, из-за которого о советском консерватизме как о феномене можно говорить лишь с очень большой долей условности, как о различных превращенных (неестественных) и противоречащих друг друга различных «консервативных» и квази-консервативных идеологических течениях, которые не складываются в единое целое.

Список литературы

1. Бутаков Я. Советский консерватизм: шансы на будущее // Агентство политических новостей. – Режим доступа: <https://www.apn.ru/publications/article/1445.htm> (дата обращения: 28.01.2020).
2. Камнев В.М. Советский консерватизм как историософская проблема // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – СПб., 2009. – № 3. – С. 172–182.
3. Камнев В.М. Камнева Л.С. Феномен советского консерватизма: историософское обоснование // Вестник Санкт-Петербургского университета. – СПб., 2019. – № 1. – С. 43–55.
4. Кочетов Вс.А. Чего же ты хочешь. – Режим доступа: https://vk.com/doc-8375_299401534 (дата обращения: 28.01.2020).
5. Лифшиц М.А. Что такое классика? – М.: Искусство XXI век, 2004. – 512 с.
6. Сигал Л.И. Похищение сабинянок // Век XX и мир. – М., 1991. – № 4. – С. 12–21.
7. Соловьев Э.Ю. Философия как критика идеологий. Часть II // Философский журнал. – М., 2017. – Т. 10, № 3. – С. 5–31.
8. Твардовский А.Т. Рабочие тетради 60-х годов. – Режим доступа: [http](http://)(дата обращения: 28.01.2020)

9. Шульгин В.В. Опыт Ленина. – Режим доступа: <https://www.rulit.me/books/opyt-lenina-read-433757-1.html> (дата обращения: 28.01.2020).
10. Яковлев А.Н. Предисловие // Черная книга коммунизма. – Режим доступа: <http> (дата обращения: 28.01.2020).
11. Яковлев А.Н. «Я говорил про обновление социализма, а сам знал, к чему дело идет» // Независимая газета. – 2003. – 2 декабря. – Режим доступа: http://www.ng.ru/ideas/2003-12-02/1_yakovlev.html (дата обращения: 28.01.2020).

2020.04.002. ГЕВОРКЯН А.Р. ГЕГЕЛЕВСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ МАРКСА И ФЕДОРОВА.

Аннотация. В статье рассматривается историческая философия Маркса и Федорова как реализация потенций гегельянства. Если Марксово наследие прямо вышло из гегельянства, реализовав его историзм в качестве исторического материализма, то загадочный «Московский Сократ» реализовал религиозную составляющую гегельянства, оставшись в полной неизвестности. Маркс и Федоров не заменяют друг друга и не являются альтернативами по отношению друг к другу. Религиозный материализм Федорова идет на смену атеистическому материализму Маркса и, соответственно, должен быть отнесен к иным временным измерениям. В статье также большое внимание уделяется ценной критике С.Н. Булгакова, данной Марксу и Федорову.

Ключевые слова: гегельянство; принцип историзма; атеистический материализм; религиозный материализм; Философия Общего Дела.

«Философия Общего Дела» Н.Ф. Федорова так же закономерна в своем появлении, как и исторический материализм К. Маркса. Об этом с исключительной силой сказано у Булгакова. «Философы много истолковали мир, пора его переделать, – мир дан не для поглядения, все трудовое, ничего дарового, – так почти одновременно в разных концах Европы и на разных путях выразили одну и ту же мысль два философа хозяйства – К. Маркс и Н.Ф. Федоров. Этот колоссальный всемирно-исторический факт – хозяйственного покорения, очеловечивания и в этом смысле преобразования (хотя еще и не преображения) мира – уже обозначился, хотя пока не завершился в истории» [1, с. 547].